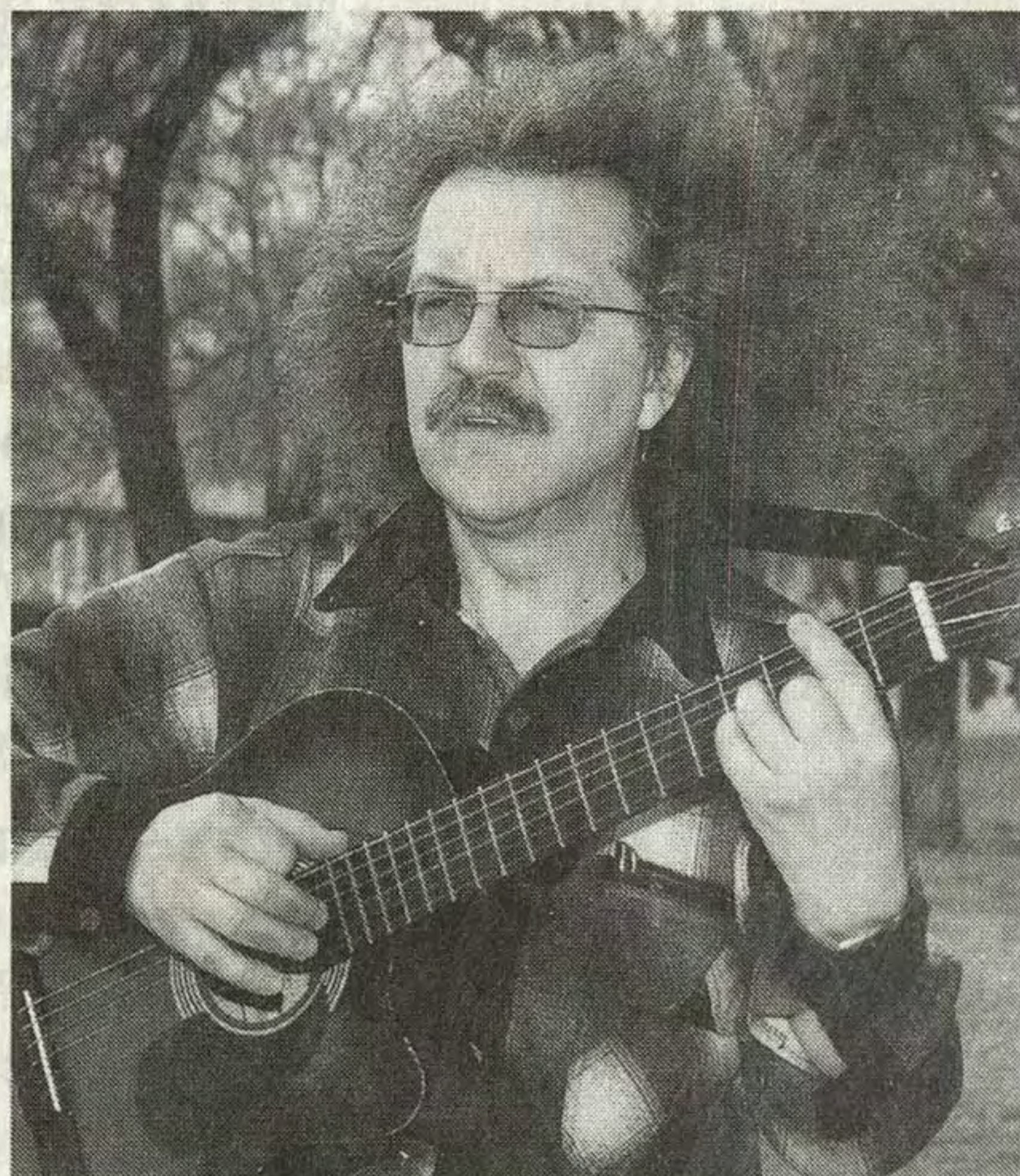

Александр Бобошко

Александр Семенович Бобошко родился в 1953 году в Райчихинске. Окончил Хабаровский институт культуры. Работал режиссером самодеятельных театральных коллективов, художником-оформителем. Артист Амурской филармонии, журналист газеты «Амурская правда». Член Союза писателей России, поэт, бард. Автор десяти сборников стихов и песен.

ПОСВЯЩЕНИЕ СОБАКЕ

Я живу не просто так —
Думой озабочен.
Уважаю я собак,
А людей не очень.
Человек предать горазд
За большие бабки,
А собака не предаст,
Не поднимет лапки.

И с соседским кобелем,
Если вы в отъезде,
Не заявится в ваш дом,
Переспать чтоб вместе.
Не толкнет вас под уклон,
Не развяжет нити,
Не отключит телефон,
Если вы звоните.

Не оставит вас в беде,
Спину не покажет,
Ваши тайны пес нигде
Никому не скажет.
Власть ругаете, а пес
Ваши речи слышит,
Но в охранку свой донос
В жизни не напишет.

Пес не хлещет алкоголь.
Даже опечален —
Не показывает боль,
Воет лишь ночами.
В вену впрыснуть омнапон
Он не даст и силой.
Никогда не станет он
Нарком и дебилом.

Пес — не то, что человек,
Шарик — не придурок.
И в подъезде он вовек
Не швырнет окурок.
Громко музыку включать,
Матом уши ранить,
Кнопки в лифте поджигать
Пес вовек не станет.

Чем я больше узнаю
Про двуногих — мука.
Оды больше я пою
Кобелям и сукам.
Человек предать горазд —
Редкая скотина,
А собака не предаст.
Друг первейший — псина.

Усмешки циничные. Крови потоки.
Сегодня убийства идут на ура.
Но верю, что кончится время жестоких
И эра наступит любви и добра.

Опять в идеалы и в слово поверят,
В чехлы закупорят, затупят ножи,
И ценность людей не деньгами измерят,
Достоинством станет наличие души.

Порядочней будут, милее, добрее,
Все в степени равной умны и милы.
Неважно, кто есть мы: таджики, евреи,
Татары, иль русские, или хохлы.

Забудутся в будущем ссоры и склоки.
...Пусть даже сегодня меня вдруг убьют —
Я верю, что кончится время жестоких,
Прекрасные вместо уродов придут.

РУССКОЕ КЛАДБИЩЕ В ХАРБИНЕ. 2004 г.

Я брожу по харбинскому кладбищу.
Хоть и Царство теней не люблю,
Но как будто бы редкостный клад ищу —
Я надгробия взором сверлю.

Влево, вправо — родные фамилии
Бывших русских, своих, земляков.
Грустно в гавань чужую приплыли и
Тут осели. Удел их таков.

Я далек от ветров конъюнктурщины.
Белый, красный — не все ли равно.
Пуст Харбин. Флаги русские спущены.
Корабли опустились на дно.

Много красные горя наделали.
Цвет их флага таков. Се ля ви.
Но у тех, что себя звали белыми,
Тоже руки по локоть в крови.

Раскололась Россия. И поняли:
Двум частям вместе быть не суметь.
Только те и другие уж померли,
Примирает политиков смерть.

Обелиск из фанеры, из камня ли —
Наплевать тем, кто двинулся в рай.
Белых нет. В вечность красные канули,
Но в России все тот же раздрай.

И тогда, и сейчас много схожего:
В кайф — ударить друг друга под дых.
Вот и кладбище здесь не ухожено —
Не до мертвых нам, не до живых.

Пусть надгробья китайцы разбили и
Не следят за погостом, но мы
Почему на родные фамилии
Равнодушно взираем из тьмы

Предрассудков, из мрака невежества?
Наша помощь, увы, на нуле.
...Тяжело им лежать, русским беженцам,
В неудобной китайской земле.

Меняется все: и погода, и климат.
Ломаются рельсы и тонут мосты.
Когда откопал Трою древнюю Шлиман,
Вздыхнул: «Нет у Трои былой красоты».

Меняется все: короли и принцессы,
У гимна слова, ордена и режим.
Меняются взгляды, мечты, интересы,
И близкий становится дальним, чужим.

Меняются рельсы, вокзалы, перроны.
И лишь не меняется в мире одно:
Ждет кто-то упорно звонка телефона.
Звонить вряд ли будут — он ждет все равно.

Нет рядом всего одного человека,
Но мир многолюдный ничто без него.
Так было и будет всегда век от века.
И в этом как раз-то и есть статус-кво!

ТЕРРИТОРИЯ ЛЮБВИ

Я живу в этом городе долго.
Мирный город и тихий, но в нем
Мое сердце пробито осколком,
Сожжено мое сердце огнем.
Хоть особо ни с кем не ругаюсь
И никто не воюет со мною, —
Есть район тут, который стараюсь
Обойти, обогнуть стороною.

Окажусь в нем — и с памятью спорю я:
«Отпусти, в сеть свою не лови!»
Счастья бывшего здесь территория,
География прежней любви.

Каждый угол доподлинно знаю,
Грустным прошлым наполненный весь,
По бульвару Свиданий шагаю:
Вот скамейка. Сидели мы здесь.
Ночью танго с тобой танцевали
В парке имени Звездного Танца.
Справа — площадь. Ее мы называли
Площадь Солнечных Протуберанцев.

Предлагал я названье — ты вторила,
Соглашаться и я норовил.
Здесь контакта была территория,
Зона прочной совместной любви.

Не имели о спорах понятия,
В разговорах не бряцал металл.
Здесь на улице Нежных Объятий
Я тогда не бродил, а летал.
Хоть сейчас не летаю — мне нечем,
Крыльев нет, — ни о чем не жалею.
Не кляню я проспект Первой Встречи,
Не кляню Поцелуев аллею.

Все прошло, превратилось в историю.
Слышишь, память, мне сердце не рви!
Не пускай меня на территорию
Ослепительно-яркой любви.

Мы смотрелись чудесною парой
И не знали тогда о тоске.
Были парки, проспекты, бульвары,
Но забыли мы о тупике.
Приближенье его прозевали
И разбились за пару мгновений.
Мы тупик тот никак не назвали —
До эпитетов ли, до сравнений,

Если сердце горело? От горя я
Почернел. Весь поныне в крови...
Будь запретной навек территория
Яркой, но столь недолгой любви.

ПЕТРАРКА И ЛАУРА

Сейчас о чувствах говорить не модно,
Едва раскроешь рот, и вмиг — каскад гримас.
Казаться независимым, свободным,
Без обязательств — это в норме, это класс.

Легко так жить — не холодно, не жарко.
«Что нам шедевры мировой культуры?
Зря мадригалы написал Петрарка
На жизнь и смерть возлюбленной Лауры.

Несемся к деньгам штормом пятибалльным —
Переступить черту, не зная любви и слез.
Смешно сегодня быть сентиментальным
И восторгаться красотой луны и звезд.

Ради любви сейчас, большой и яркой,
Жизнь отдадут лишь дураки и дуры.
Зря сочинял какой-то там Петрарка
Свои стишки для глупенькой Лауры!» —

Так говорят налево и направо.
Любовь к понятию свели с названьем «секс».
Все это бред! Любовь — вулкан и лава
И к жизни сразу же возросший интерес.

Любовь пришла — дорожке нет подарка.
Влюбленный ликом светится, не хмурый.
И не напрасно, стало быть, Петрарка,
Слагал стихи когда-то для Лауры.

ПО ЗЕЛЕНОМУ ЛУГУ

На зеленом лугу, что глядится зеленой подушечкой,
Мы резвимся втроем, кувыркаемся с криком «Ура!».
Мне три года всего. Я, счастливый, с машинкой игрушечной
Вдоль по лугу гуляю, а рядышком — брат и сестра.

Лет по шесть им. Когда бы не бабушки строгой решение,
Ни за что бы меня на лужайку не взяли с собой.
Вот они пошептались, выходят ко мне с предложением:
«Погуляй здесь один полчаса. Мы придем за тобой».

Понимаю, им скучно со мною... Я жду возвращения.
Луг зеленый с машинкой не радуют больше меня.
Я тоскую один и в сердцах принимаю решение:
Надо мне возвращаться домой до скончания дня.

Солнцу жаркому наперерез, словно печь, раскаленному,
В бесконечность — мальчонка трех лет, как в ужасном бреду,
По громадному лугу, по лугу, по лугу зеленому
Я иду. Спотыкаясь и падая, снова иду.

Кто-то крикнет. Я сразу надеюсь: сестра или брат кричит.
Всех зовут в этот день. Одного лишь меня не зовут.

...Я потом, как подрост, хохотал, на лужок этот гляючи —
Я сегодня пройду его шагом за десять минут.

А тогда целый час или два я потратил по времени,
Но добрался домой, сам добрался, имейте в виду.
А сегодня порою мне жизнь как ударит по темени,
И точь-в-точь я тогда, как по лугу трехлетним бреду.

Если выхода нет мне, давно неудачно влюбленному,
Если кто-то решил — будет вечно меня унижать,
По громадному лугу, по лугу, по лугу зеленому
Надо заново, заново, заново мысленно мне пробежать.

ПЕСНЯ ГОРИЛЛЫ

Горилла я, ужасно волосатый.
Оброс сверх меры, говорите вы.
Но в том природа только виновата.
Я ни при чем — вы, люди, не правы.
Свой стиль у вас, эстетика и школа,
Нет таковых у нас, у обезьян.
Но человек, когда совсем он голый,
Похож он на облупленный банан.

Как вы над нами любите смеяться!
Но я возьму, уверен, первый приз,
Когда со мной решите потягаться
В прыжках на пальму или с пальмы вниз.
Не разберусь я с вашей «эсэмэской»,
«Эмайл» от вас вовек не получу,
Зато могу с любой особой женской
Я переспать — лишь только захочу.

Самец другой при этом в страшной злости
Не врежет мне ни в ухо, ни в живот.
Не буду я замечен в многоженстве,
И не подаст супруга на развод.
Я скромненький, тих, лишь фрукты поедаю.
Дубину взять — не знаю этот жест.
Я для еды других не убиваю,
Не жарю мясо убиенных жертв.

Мы воровства не знаем и не знали.
Не можете прожить вы без греха,
Но отчего-то вдруг себя назвали
Венцом природы! Это ж чепуха!

Не ищите родства вы в обезьяне,
Вам вариант понравился другой.
Мол, вас зачали инопланетяне
С атласной кожей, кровью голубой.

Эй, успокойтесь, люди-человеки, —
Из обезьян вы матушки-Земли.
Ростки вы наши, кустики, побеги,
Мы просто с вами дальше не пошли.
Мы отошли от вас, мы откололись,
Давно меж нами прочная стена.
Нам не нужны ни мимика, ни голос,
Наука ваша, деньги и война.

Вы не роднитесь с нами, ради бога.
Мы тоже не хотим вас больше знать.
Вот только нас не надо бы вам трогать
И в зоопарке в клетки загонять.
Весь день держусь, а ночью, на рассвете,
Рыдаю, слезы льются без конца.
Не стыдно ли, праправнуки, прадеди,
Вам за решеткой видеть праотца?!

ПОСВЯЩЕНИЕ ДРУЗЬЯМ

Жалким не будет стон,
Ежели грохнусь я.
Спасибо судьбе за то,
Что есть у меня друзья.
Руки протянут мне,
Поднимут и отряхнут.
Снова я «на коне»,
Готов продолжать маршрут.

Если друзья звонят,
Значит, я нужен им.
Даже когда бранят,
С кожей сдирают грим.
Но не в обиде я,
Что в речи звенит металл.
Это хотят друзья,
Чтобы я лучше стал.

Друзей у меня пяток,
Может, с натяжкой, шесть.

Друзей у меня — чуток,
Но главное, все же есть!
Брошусь за ними в шторм,
К дальним умчусь краям.
Спасибо судьбе за то,
Что есть у меня друзья!

**ПОЗДРАВЛЕНИЕ
С ТРИДЦАТИЛЕТИЕМ
АМУРСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ**

Опали руки, словно плети,
И слезы льются в две струи.
Ну надо ж так — тридцатилетье
Пришлось (пardon) на год Свиньи.

Ужель усилия умножим
И поменяем свет на тьму,
Друг другу мы свинью подложим,
Раз гороскоп зовет к тому?

Почти друг друга не читаем,
Едва-едва коллег терпя,
Кого мы гением считаем?
Ну, разумеется, себя.

Надеюсь, будет все иначе,
Коль юбилея грянул час.
Мне верить хочется — свинячить
Не станет уж никто из нас.

Сегодня вместе мы — прекрасно!
Сплотит нас праздничный обед.
Мы все так молоды ужасно,
Сегодня нам лишь тридцать лет.

Плевать, что есть среди нас седые,
Торчит лопатой борода —
Ведь мы душою молодые,
Не укротили нас года.

Еще мы к бою рвемся яро,
Хоть средний возраст — шестьдесят,
Глаза горят у юбиляров,
И годы гирей не висят.

Определенный опыт нажит.
Бьют по рукам, а мы опять
Готовим рукописи, даже
Мечтаем в будущем издать.

...С тоскою вспомнил я об этом.
Мечты наивны и смешны,
Ведь никому труды поэта,
Увы, сегодня не нужны.

Я сам на нищую зарплату
Печатать книги не смогу.
Иначе с голоду, ребята,
Подохну прямо на бегу,

В раю мгновенно «наших» встретив.
Ушли в течение ряда лет
Машук, Яганов и Терентьев,
И Борзунова Света вслед.

Но мы еще посуетимся,
Любой на многое горазд.
Мы у Янлена издадимся —
Китаец не обидит нас.

Другие страны в перспективе!
А вдруг (мне снится по ночам)
Захочет Маслов в Тель-Авиве
Издать два тома амурчан.

Наш регион весьма пассивен,
Пора Шумейко слать к хохлам,
Пущай они накопят гривен
И подсобят немного нам.

Ни телефона, кабинета
У нас, ни стула, ни стола.
«Спасибо», власть, тебе за это,
Что раздеваешь догола.

Ты видишь, власть, мы пишем песни,
И пусть нам нынче тяжело,
Ты не надейся — не исчезнем,
Мы будем жить всему назло!

15 января 2007 г.

Помню, видел я в театре,
Чью, уже не помню, пьесу.
Зал зевал, не обнаружив
К постановке интересу.

Роли выучив, актеры
Настроенье выражали.
Но они не жили жизнью,
Жизнь они изображали.

Их игра — сплошные штампы.
Захотелось мне тогда
Звать на сцену режиссера
И спросить, глядит куда.

Было скучно, но, однако,
Не ушел никто из зала.
«Заплатили за билеты —
Досидим же до финала».

И, мне кажется, порою
Мы играем пьесу эту.
Чувства мы изображаем,
Ну а их давно уж нету.

Даже если ошибаюсь,
Не клянись и не божись!
Подождем, что нам подскажет
Режиссер с названьем Жизнь.

НЕОЖИДАННЫЙ СОН

Ночь была за окном. Вдруг неясная сила
Разбудила меня, и гляжу я во тьму.
Мне приснилось сейчас, будто ты позвонила
И спросила меня, не звоню почему.

Этот голос был твой. Нет, я не обманулся.
Я узнаю его среди сотен других...
Я ответить хотел, но внезапно проснулся,
А твой голос в ушах не исчез, не затих.

То, что ты вдалеке, — не барьер, не помеха.
Нашей техники роль с каждым днем высока.

Мне казалось — звенит телефонное эхо
Прозвучавшего вдруг среди ночи звонка.

Я светился лицом, я был рад, как ребенок,
Что подарок себе под подушкой нашел.
Я еще подождал и, ворчливый, спросонок,
Очень сну удивясь, к телефону пошел.

В круге света стою. Загорелся светильник.
Я беру телефон — все сомненья сняты.
Перед сном отключил я свой нудный мобильник,
И никто не звонил, а тем более ты.

...Жизнь куда б ни вела, как бы жизнь ни крутила,
Только в памяти я этот сон сохраню.
Вдруг не зря мне сейчас ты во сне позвонила
И спросила меня, почему не звоню.

ВОЛЬНЫЕ КОНИ

Говорят, что бывали у нас времена —
Табуны по России скакали.
Что такое хомут, вожжи и стремяна,
Никогда эти кони не знали.

По степям, по степям, по степям
Мчались дикие вольные кони.
Не стояли в конюшнях они по углам
И любой не боялись погони.
Ездоков не знавали они никаких
И о шпорах вовек не слышали.
А закаты в полнеба горели для них,
И рассветы для них полыхали.

Голодали порой, где не рос и ковыль.
Все же были безумно красивы
И не ленты вплетали, а звездную пыль
Заплетали в косматые гривы.
По степям, по степям, по степям
Мчались лошади в синие дали.
По людским не скакали они по тропам,
Необкатанность предпочитали.

Конь любой был смельчак и безудержно лих.
Необузданность — так уж плоха ли?
Звезды в небе призывно горели для них,
И рассветы для них полыхали.

Что осталось от тех, чуть не сказочных дней?
Мифов лишь отголоски, детали.
Необъезженных нет нынче диких коней —
Прикормили, перевоспитали.

Не бегут просто так по степям,
Деловитее стали, бездушней.
Предоставили спины пастушьим кнутам
За питательный корм и конюшни.
Кони стали мудры слишком, не по летам.
Не гарцуют голодные в поле.
Загляните в глаза их — увидите там
Стыд и грусть о потерянной воле.